

Литературныя новости.

(С Сергѣевъ-Ценскій. Бабаевъ. Романъ. Издательство „Міръ Божій“.)

Иногда приходится читать мнѣніе о бѣдности современной литературы, но нужно замѣтить, что мнѣніе это едва-ли справедливо. О, нѣтъ, современная наша литература отнюдь не бѣдна. Не говоря уже о такихъ общепризнанныхъ величинахъ, какъ В. Г. Короленко, М. Горькій, Леонидъ Андреевъ, вѣдь есть еще цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, выдвинувшихся въ самое послѣднее время, каковы гг. Э. Сологубъ, Сергѣевъ - Ценскій, Муй-жель и др. Можно скорѣе сказать, что мы теперь, словно растерявшись отъ событій въ области общественной жизни, мало обращаемъ вниманія на новые литературные таланты.

Напр., такой талантъ, какъ г. Сергѣевъ-Ценскій, несомнѣнно въ другое время обратилъ бы на себя далеко большее вниманіе, чѣмъ обращаетъ теперь. Оцѣнкѣ его, впрочемъ, мѣшаютъ нѣкоторыя странности, или оригинальносли (не знаю, какъ выразиться), которыми любятъ блистать современные писатели. Возьмите, напр., г. Э. Сологуба. Вѣдь это несомнѣнный и яркій талантъ, но, напр., хотя бы въ его „Навѣихъ чарахъ“, наряду съ блестящими образами и описаніями, встрѣчаются такія нездоровыя стренности, что можно, не дочитавъ, бросить его „творимую легенду“.

У г. Сергѣева-Ценскаго нѣтъ такихъ яркихъ странностей, но кое-что все-таки есть, что является какъ бы ложкой дегтя въ бочкѣ меда, мѣшая правильной его оцѣнкѣ. Напр., его книга: „Бабаевъ“—это собственно даже не романъ вовсе, а рядъ очерковъ, связанныхъ только единствомъ лица, но отнюдь не дѣйствія, котораго въ этомъ романѣ даже вовсе и нѣтъ. И иной читатель, а то и критикъ, пожалуй, даже рассердится, начавъ читать эту книгу, какъ на мистификацію.

Затѣмъ, что такое собственно этотъ Бабаевъ, который фигурируетъ во всѣхъ очеркахъ книги? Это совершенно ничтожное лицо, которое, пожалуй, можно было бы исчерпать въ одномъ очеркѣ, нѣчто въ родѣ того поручика которому Гоголь случайно посвятилъ нѣсколько строкъ, описывая преступъ Поздрева къ Чичикову,—

хотя г. Сергѣевъ-Ценскій и силится сдѣлать изъ него какого-то Печорина. На протяжении всей книги поручикъ Бабаевъ надувается и топоршится, а г. Сергѣевъ-Ценскій серьезно описываетъ это надуванье и топоршенье, а описаніе смерти Бабаева приходится признать даже рѣшительно невозможнымъ.

Въ лучшемъ случаѣ о поручикѣ Бабаевѣ нужно сказать, какъ о челѣвкѣ, вмѣвшемъ душу, но испорченную плохимъ воспитаніемъ и средой. Дѣлаетъ онъ въ книгѣ г. Сергѣева-Ценскаго много глупостей и даже свинствъ, такъ что, когда онъ умираетъ, раненый во время безпорядковъ, припоминается записка одного самоубійцы-юмориста: „въ моей смерти прошу никого не винить и меня въ томъ извинить: жилъ смѣшно и умеръ грѣшно“. А г. Сергѣевъ-Ценскій описываетъ смерть своего героя, точно смерть какого-то Манфреда. Тутъ и какой-то Огромный, придавившій своими колынями лицо Бабаева, тутъ еще и Сѣрый, и Безстѣнное, и „птицы съ косыми крыльями“, и „красноглазая голова набокъ“ и т. д.,—самыя вычурныя аллегоріи, якобы бы разрѣшающія міровыя загадки. И вотъ какъ изображена самая смерть Бабаева:

Холодный, беззвучный смѣхъ въ глазахъ Огромнаго. Гдѣ-то глубоко въ нихъ дрожатъ алая зарницы, какъ зеркала.

— Ты доволея, Отромый?

Спокойный хохотъ въ заревъ глазъ.

— Хочу безсмертія,—слышишь ты, Огромный?

Чуда хочу! Зажегъ предъ тобою лампаду,—видишь?

Болѣлъ тобою!.. Смысла хочу, твоего смысла,—гдѣ смыслъ?

И рухнуло что-то.

Придвинулось, втянуло и сожгло зарево пылающихъ глазъ.

Къ сожалѣнію, у поручика Бабаева нѣтъ никакого основанія требовать для себя безсмертія. Если у него отъ природы, какъ мы уже сказали, была живая душа, то вѣдь проявлялась она часто безобразно, и въ этомъ не виноватъ ни Огромный, ни даже Сѣрый, а условія жизни Бабаева, такъ хорошо изображенныя г. Купринымъ въ „Поединкѣ“. У г. Сергѣева-Ценскаго Бабаевъ, можетъ быть, мѣстами изображенъ даже ярче, чѣмъ Ромашовъ у г. Куприна, но онъ испортилъ свое изображеніе неправильной точкой зрѣнія на своего героя.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти недостатки (казалось бы способныя въ основаніи испортить произведеніе), „романъ“ г. Сергѣева-Ценскаго читается не только съ интересомъ, но съ увлеченіемъ. Объясняется это тѣмъ, что авторъ обладаетъ несомнѣннымъ и яркимъ талантомъ. Точка зрѣнія его на Бабаева неправомерна, онъ его ставитъ на ходули, но вѣдь все-таки это живое лицо. Можетъ быть, такому лицу, какъ Бабаевъ, не стоитъ посвящать цѣлой книги, его можно исчерпать въ одномъ очеркѣ, но дѣло тутъ не въ Бабаевѣ, а въ мастерскомъ изображеніи отдѣльных моментовъ человѣческой жизни, а главное—въ изображеніи пейзажа, въ чемъ г. Сергѣевъ-Ценскій является даже новаторомъ.

Какъ пейзажъ въ живописи не могъ остановиться на изображеніяхъ Куинджи или Шишкина, такъ и въ литературѣ онъ не могъ остановиться на пейзажахъ Тургенева и затѣмъ В. Г. Короленко, которыя можно признать образцовыми. Пейзажъ въ произведеніи г. Сергѣева-Ценскаго можно назвать литературнымъ импрессионизмомъ, отличающимся большимъ совершенствомъ техники. Это уже не объективный пейзажъ Тургенева, а всегда рисуемый съ точки зрѣнія ощущеній человѣка, передающій мельчайшія оттѣнки этихъ ощущеній, и такъ живо, что, читая г. Сергѣева-Ценскаго, вы какъ бы ощущаете запахъ полей или дыханіе города въ лунныя ночи.

Приводить образчики описаній изъ произведенія г. Сергѣева-Ценскаго не будемъ. Они много потеряли бы въ отрывкахъ. Все произведеніе—одно сплошное описаніе ощущеній человѣка на фонѣ окружающей его обстановки, описаніе очень живое и тонкое, благодаря которому съ удовольствіемъ перевертываешь страницу за страницей его книгу, пока не доходишь до послѣдней аллегорической главы: „Безстѣнное“, когда приходится рѣшительно отказаться слѣдовать за авторомъ, несмотря на усиленные его приглашенія.

Тутъ ужъ авторъ прямо-таки вливаетъ ушатъ дегтя въ бочку меда своего произведенія. Къ такой порчѣ меда современные писатели чувствуютъ „влеченье, родъ недуга“.

Читатель.